УДК 316.3 DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-170-174

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Зинченко Геннадий Павлович доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gennadij-zinchenko@yandex.ru

Рогов Илья Игоревич кандидат философских наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: rogov.skags@narod.ru

Аннотация

В статье анализируются положения неоинституциональной теории, в частности – известная монография «Насилие и социальные порядки», написанная в соавторстве тремя известными западными экономистами – Дугласом Нортом, Джоном Уоллисом и Барри Вайнгастом. Авторы предлагаемой читателю статьи критически анализируют принципы и установки неоинституциональной теории, как в контексте научно-теоретических схем, так и в сравнении с объективными мировыми тенденциями. Вывод, к которому приходят авторы, неутешителен: неоинституциональная теория, столь популярная в некоторых научных кругах, безнадёжно устарела, не отражает современных реалий, и её единственная ценность – служить научной легитимацией правящих на Западе элит.

Ключевые слова*: институты, государство, неоинституционализм, насилие, социальный порядок, естественное государство, открытое общество, порядок открытого доступа.*

Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст начинают свою известную работу «Насилие и социальные порядки» утверждением, что ставят своей целью показать, как «общества использовали контроль над политической, экономической, религиозной и образовательной деятельностью, для того чтобы ограничивать и сдерживать насилие на протяжении последних десяти тысячелетий» [1, с. 5]. Конечно, книга, ставшая библией неоинституционализма, заслуживает, возможно, более детального анализа, нежели предложен в данной статье, однако мы преследуем несколько иные цели – показать, как неоинституционализм (в одной, конъектурной монографии), развенчивая одни мифы, ставит на их место другие и не замечает объективную реальность, данную нам в ощущениях.

Норт, Уоллис и Вайнгаст начинают свою работу с утверждения, что «история человечества знала лишь три социальных порядка»: примитивный, «порядок ограниченного доступа или естественное государство» и «порядок открытого доступа» [1, с. 9]. Несложно заметить, что идеологи неоинституционализма продолжают две добрые традиции: во-первых, метод членения истории общества на три стадии, заложенный ещё Контом и блестяще реализованный Марксом, а во-вторых – теорию «открытого общества», позиционированную К.Р. Поппером в одноимённой работе. Но идеологи неоинституционализма озвучивают цели показать, как от второго порядка общества переходят к третьему, т.е. – как совершается вторая социальная революция, а для власти – как управлять обозначенным процессом перехода. Вторая задача мыслится авторами даже как более важная, поскольку последние признают, что выстраивают не аналитическую, а концептуальную теорию.

Норт, Уоллис и Вайнгаст, следуя устоявшейся научной традиции, справедливо критикуют своих предшественников за то, что «экономисты и социологи, занимающиеся исследованием того, как государства развиваются и взаимодействуют с остальным обществом, моделировали государство как максимизирующего доходы монарха, стационарного бандита или являющегося

единым актором «репрезентативного агента»» [1, с. 11]. На самом же деле, как утверждают неоинституционалисты, «институты – это правила игры» [1, с. 12], функционирование которых выходит за рамки формальных и контролируемых правил.

Далее Норт, Уоллис и Вайнгаст выделили две экономические революции: древнюю, когда сформировался институт частной собственности на землю, и современную, по результатам которой оформилось авторское право. Не нам оспаривать концептуальность исследований Дугласа Норта; однако при условии, что социально–географические и исторические рамки исследования полностью совпадают с западным миром. Норт говорит про институт частной собственности как не подлежащую обсуждению данность, и, в этом смысле является достойным продолжателем дела Конта, Гегеля, Маркса, Поппера, Мизеса и Хайека. Только у них были свои вехи, а у Норта – трансформации института частной собственности. Такие схемы работают лишь когда народы (общества) комплементарно совпадают друг с другом в организации своих социально–исторических институтов. Если же этого нет, в частности – институт частной собственности на землю функционирует в некоем обществе иначе, нежели привыкли неоинституционалисты и Норт в частности, перестаёт адекватно функционировать вся концепция.

Если несколько отвлечься от теории неоинституционализма и комплексно обозреть институт частной собственности на землю, можно проследить, что основания феодализма лежат именно в этом коллективном убеждении, что права частного лица на удел земли стоят выше прав государства или всего сообщества и на землю и на социальные функции, исполняемые этим лицом [5, с. 69]. Это не скрывает и сам Д. Норт в параграфе «Ублюдочный феодализм и постепенное обезличивание прав собственности» [1, с. 122–167].

Нам важно отметить, что этот фактор – всеобщее убеждение, распространённое в германской и англо-сакской среде, что права частной собственности на землю стоят выше требований государства и общества к индивиду, по сути, не более, чем коллективная социальная установка, коллективный архетип, сегмент коллективного бессознательного.

Конечно, века интеллектуального развития Европы обогатили эту максиму бессчётным количеством научной литературы, подтверждающей истину первичности частной собственности на надел земли над всеми остальными правами и обязанностями, подкрепили и первую, и вторую экономические революции необходимым легитимационным материалом. Однако все эти теории – от ублюдочной, в терминологии Норта, теории естественного государства, основанном на английском земельном праве, до выпестованной Нортом же неоинституциональной теории, хороши тогда и только тогда, когда общество в массе своей, коллективно и априорно разделяет утверждение, что право владения участком земли (или, как сказали бы представители политологической науки – суверенитет) превыше всех остальных социальных, политических и экономических норм, установок и институтов.

Отсюда и отношение к государству как к «стационарному бандиту»: именно такую характеристику дают Норт, Уоллис и Вайнгаст дают своим теоретическим предшественникам, критикуя их за излишне узкую трактовку института политического государства, которая упускает «фундаментальная проблема приобретения государством монополии на насилие» [1, с. 125].

В обществах, где народ не разделяет такого убеждения, и первая теория – старая, классическая, «ублюдочная», и сам неоинституционализм перестают функционировать должным образом, т.е. – поддерживать существующий порядок и объяснять его. Не будем перечислять все эти народы и все эти сообщества, ибо, если мы это сделаем, исключений – обществ, в которых люди не считают право на землю первейшей и абсолютной ценностью, окажется больше чем правил.

Хочется отметить, что косвенно всё сказанное признаёт и сам Д. Норт. В другой своей работе «Институты и экономический рост: историческое введение», ссылаясь на Р. Коулза, он признаёт, что неоклассическая модель хороша, только если «трансакционные издержки равны нулю» [5, с. 69]. Если же «трансакционные издержки положительны, то необходимо учитывать влияние институтов» [5, с. 75]. Но во-первых, хотя тема трансакционных издержек рассматривается Нортом хотя и шире, нежели принято – не только в рамках торговых экономических отношений, а в контексте влияний социального, всё же Норт так и не выходит за рамки привычного ему западного мира.

Сказанное про первую экономическую революцию справедливо и для второй – институционализации авторского права. Не секрет, что повсеместное распространение пиратства – интеллектуального пиратства, Интернет–пиратства – бич и порок современного общества. С позиций неоинституциональной теории пиратство интеллектуального продукта – и совокупность самых различных девиаций, и просто свидетельство несовершенства функционирования систе-

мы, неполноты второй экономической революции. Но за пределами неоинституционализма, ситуация полностью понятна и закономерна. Если общество в массе своей – и на уровне коллективного социального архетипа, и в сознании отдельного индивидуума не разделяет априорной установки, что право частной собственности на надел земли превыше всех остальных социальных установок, требований и норм, а индивид–землевладелец обладает (или имеет право претендовать) на политический суверенитет, вполне вероятно общество будет скептически относиться к принятым нормативно–правовым актам, устанавливающим приоритет авторского права над правом индивида на получение объективной информации. Учитывая широкое распространение Интернет–пиратства на самом Западе, мы можем предположить, что даже там далеко не все люди поддерживают указанные тенденции.

Ещё в самом начале «Насилия и социальных порядков» Норт и соавторы фактически обозначили, что главная цель работы – показать существующей власти, как в обществе и государстве открытого доступа возможно ограничить насилие и выстраивать непрямые формы собственной легитимации. Необходимо условие для этого процесса – если «большое число индивидов имеют право формировать организации, которые могут участвовать в самых разнообразных видах …. деятельности» [1, с. 23].

Вторым, и более важным условием, Норт и соавторы обозначили тему функционирования политических элит. Однако дискуссия о политических элитах всегда так или иначе приходит к теме распределения и перераспределения власти, объёма контролируемых ресурсов и легитимности: на каком основании элиты контролируют то, что контролируют.

Норт, Уоллис и Вайнгаст не были бы востребованными исследователями, а Дуглас Норт не получил бы нобелевскую премию, если бы подробно обсуждали все обозначенные вопросы. Вместо этого соавторы переводят внимание читателя на другие вопросы: почему элиты преобразуют свои права, как это происходит и т.д. Так нерв дискуссии приходит к пороговым условиям перехода из закрытого общества в открытое, или, в терминах неоинституционализма – из естественного государства в порядок открытого доступа: верховенство права для элит, постоянно существующие формы общественных и частных организаций, консолидированный политический контроль над вооруженными силами.

Не будем касаться темы контроля над армией: насколько и для кого он консолидирован – вопрос отдельный. Гораздо важнее второй пункт – перманентное существование общественных организаций. Это – главнейший, центральный пункт неоинституциональной теории. Хотя нельзя сказать, что он уникален, или инновационен: право на частные собраний оговорено ещё отцами–основателями, в основополагающих документах Соединённых Штатов Америки. В определённой степени право на частные собрания, наряду с требованием налоговых отчислений – фундаментальные, предельные основания существования американского государства, так что тезис Норта и его соавторов выполняет функцию поддержания этого социального образца: и сейчас, в XXI веке, права на общественные или частные собрания так же важно, как и двести пятьдесят лет назад.

Однако, характеризуя инновационность «Насилия и социальных порядков» уместно применить старую добрую пословицу: гора родила мышь. Когда, ближе к концу книги Норт, Уоллис и Вайнгаст вернутся к обсуждению своего второго порогового условия – перманентно-существующие социальные организации, в качестве примеров они изберут сравнение древнеримского и англосаксонского опыта.

Более полутора тысяч лет прошло после гибели Западной Римской империи, а потомкам варваров, её сокрушивших, не даёт покоя блеск её миража. Поразительно, что основоположники неоинституциональной теории, хотя и критикуют своих предшественников, сравнивают, как и классики, почему римлянам не удалось создать социальные организации, существующие вечно, а англичанам удалось [1, с. 255]. Причина, которую неоинституционалисты выводят в качестве основной – корпорации.

Действительно, те корпорации, которые были сформированы внутри немецкого и англосаксонского сообществ, не имели прецедента в Древнем Мире и в Римской империи. В этом контексте устойчивость современных институтов и организаций, действительно, превосходит древнеримскую. Но обращают на себя внимание три фактора. Во-первых, абсолютная убеждённость соавторов, что те институты, организации и корпорации, которые им довелось наблюдать – не просто обладают повышенным запасом прочности, стабильности, устойчивости, а будут существовать ещё столь долгое время, чтобы их можно было назвать «вечными». Этот фактор объясняется тем, на какое сообщество действительно нацелена данная работа: помимо

научного, интеллектуального сообщества, у «Насилия и социальных порядков» есть ещё одна целевая группа – собственно, элита. Именно поэтому в ней сделано всё, чтобы вывести правящую элиту из-под удара неудобных вопросов.

Второе, что бросается в глаза – несоответствие описываемых событий и объективной социально-экономической ситуации. Книга «Насилие и социальные порядки» – относительно свежая, 2009 года написания. Уже рухнули башни–близнецы, почти десятилетие, как был принят «Патриотический акт», существенно ограничивающий права граждан США, уже много лет американцы воевали в Ираке и в Афганистане, уже обанкротились Lehman Brothers, Fannie Mae и Freddie Mac, а экономисты–неоинституционалисты продолжают рассуждать об ограничении насилия, о свободе общественных собраний, как будто мирового кризиса не было в природе.

Третье, чего очевидно не видят авторы, рассуждающие о необходимости добровольных общественных организаций – наличие виртуального сообщества. В современном мире, где на просторах Интернета можно найти единомышленников практически на любую, в том числе – и абсолютно запретную тему, скорее уместно ставить вопрос о принудительном ограничении, или, как минимум – контроле над этими самыми общественными организациями. Но соавторы не замечают всего этого. Не замечают, или не понимают того простого факта, что добровольные общественные организации, порождённые на Западе, свобода частных собраний, во время которых высказываются любые, даже самые скандальные мнения, давно уже вышла из–под контроля Запада. Реальность такова, что полностью виртуальное сообщество и инкорпорированные в него виртуальные организации не под силу контролировать ни одному правительству. Этот факт был продемонстрирован на просторах Рунета, когда, вместо заблокированных сайтов, как грибы, открываются новые. Эти организации – виртуальные, действительно, бессрочные. Но авторы «Насилия и социальных порядков» продолжают сравнивать достоинства корпоратократии с административно-бюрократическим механизмом Британской и Римской империй.

Не будет преувеличением сказать, что книга «Насилие и социальные порядки» устарела даже не на несколько лет, а на несколько десятилетий. Главное её достоинство с точки зрения социолога – релевантный, более гибкий подход к трактовке сущности и условий функционирования социальных институтов.

Рассматривая неоинституциональную теорию вообще и работы Норта в частности, мы сталкиваемся с проблемой, характерной для рациональной науки в целом. Когда-то давно Иммануил Кант раскритиковал предшествующие ему концепции, пробудившись от «догматического сна», но позже снова попал в разновидность интеллектуальной апории. Норт, Уоллис и Вайнгаст следуют тем же путём: критикуя своих предшественников за излишне утилитарный, технологический подход к экономическому росту, сами повторяют их же ошибки, только на более обобщённом качественном уровне, привнося нехарактерный для экономической теории социологический институциональный подход, но не понимая, что весь концепт эффективно функционирует лишь при соответствующем, и очень специфическом условии – если общество в целом ставит интересы частной собственности выше всех прочих, если общество осталось на тех моральных принципах, что руководили отцами–основателями в далёком XVIII веке.

Литература

1. *Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
2. *Норт Д.К.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. №3 С. 6 – 17.
3. *Норт Д.К.* Понимание процесса экономических изменений. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
4. *Норт Д.К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
5. *Норт Д.К.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS, 1993, т.1, вып. 2. С. 69–91.
6. *Норт Д.К.* Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. С. 307 – 319.

***Zinchenko Gennady Pavlovich*,** Doctor of Philosophy, professor, honored worker of science of the Russian Federation; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: gennadij-zinchenko@yandex.ru

Rogov Ilya Igorevich, candidate of philosophical sciences, associate professor; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rogov.skags@narod.ru

NEOINSTITUTIONAL VIOLENCE AND SOCIAL ORDER IN TERMS OF UNPREDICTABLE CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

Abstract

The article analyzes the situation neoinstitutional theory, in particular - known monograph "Violence and social orders," co-written by three well-known Western economists - Douglass North, John Wallis and Barry Weingast. The authors of this article the reader to critically analyze the principles and guidelines neoinstitutional theory in the context of scientific and theoretical schemes, and in comparison to the objective world trends. The conclusion arrived at by the authors, is disappointing: neo-institutional theory, so popular in some academic circles, hopelessly outdated, do not reflect today's realities, and its only value - serve as a scientific legitimization of the ruling elites in the West.

Keywords: *institutions, state neoinstitutionalism, violence, social order, natural state and open society, open access order.*

УДК 316 DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-174-180

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ*

Лубский Анатолий Владимирович	доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: avlubsky@gmail.com
Сериков Антон Владимирович	кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: avserikov@sfedu.ru
Стукалова Дарья Николаевна	научный сотрудник Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160). E-mail: dar.stukalova@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен конфликтогенный потенциал миграционных потоков. Авторы описывают степень влияния конфликтов, вызванных миграциями, на национальную безопасность. В работе анализируется большое количество теоретических подходов и исследований миграций и их влияния на национальную безопасность. Авторы рассматривают механизмы возникновения конфликтов между мигрантами и принимающим населением, а также феномены мигрантофобии, ксенофобии и этноцентризма.

Ключевые слова: *миграции, национальная безопасность, конфликты, принимающее население, ксенофобия, мигрантофобия, этноцентризм.*

Внешние и внутренние миграционные потоки сопровождаются усилением их конфликтогенного потенциала, который обнаруживается в конкретных условиях взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества на локальном уровне. Конфликтогенный потенциал миграционных потоков проявляется в деструктивных формах межэтнического взаимодействия, повседневных практиках этнического экстремизма и ксенофобии. При этом опасность конфликтогенного потенциала заключается в том, что при выходе межэтнической напряженности за допустимые пределы возникают открытые конфликтные ситуации и вигилентные этнические конфликты [1].

Отдельные аспекты конфликтогенности миграционных потоков уже получили освещение в современной российской социологической литературе. Прежде всего, это вопросы, связанные

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропотоки и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».